

Не было ничего. Не было черного. Не было белым. Не было даже пустоты. Не было буквально ничего. Эоны проходили в мгновенных точках времени. Не было никакого течения времени. Один момент вечности был просто, внезапно, другим моментом вечности. Потом что-то появилось.

Притяжение. Движение настолько тонкое, что если бы не абсолютное небытие, его было бы невозможно воспринять. Движение не ускорялось и не замедлялось. Движение не двигалось ни в каком направлении. Оно просто было. Было что-то еще. Шепот эха. Отблеск осознания. Воспоминания на грани восприятия. Не нужно было напрягаться, чтобы поймать этот проблеск. Не было ни мыслей, ни действий. Оно просто было там; пассивное.

Внезапно резкий треск диссонанса потряс всё существование. Цунами катаклизмических масштабов превратило шепот эха в рябь. Другой шепот эха в бесконечном небытии мягко соприкоснулся с первым. На краю восприятия возникли новые воспоминания. На этот раз они грозили выплеснуться в фокус, но все же оставались за его пределами.

Новые удары диссонанса превратили рябь в мощные волны, с силой набегающие друг на друга. Новые мотивы бесконечного небытия, в свою очередь, образовали свои собственные титанические волны.

Волны кружились друг вокруг друга со всех сторон и ни с одной одновременно, пока не начали накладываться друг на друга. Когда мотивы наложились друг на друга и стали единым целым, образовался вихрь из закрученных водоворотов. Возникла искра истинного осознания. Сформировалось чувство собственного достоинства. Воспоминания на краю осознания оказались в фокусе.

Сначала это были простые понятия: Я - это я, и я не другой. Концепции постепенно усложнялись, пока не возникла первая эмоция. Я было удовлетворено. Чувство правильности пронизывало "Я". Все было так, как должно быть.

Образовавшийся вихрь, хотя и был необычным, не представлял собой ничего особенного. На

самом деле именно этот вихрь позволил "Я" осознать себя. Понятия и эмоции медленно превращались в нечеткие образы. Формировались приглушенные цвета и формы. Формы состояли из множества простых и сложных узоров. Некоторые формы начали двигаться странным, непредсказуемым образом. Со временем эти движения стали выглядеть более естественно: Конечно, эта форма будет двигаться именно так, это естественно.

Эта смутная, нереализованная мысль не удивила "Я", и оно продолжало существовать в довольстве. Постепенно, спустя века блаженного наблюдения за этими размытыми формами, возникли новые концепции, породившие еще больше концепций: Люди, семья. Внезапное осознание заставило вихрь колебаться, когда размытые формы стали узнаваемы как люди. Человек осознал, что переживает воспоминания о своей семье.

Перспектива смотреть на свое собственное тело, сидя на вершине чужого... "Как они называются?" Первая сформулированная мысль удивила "Я", почти заставив его отвлечься. "О, точно! Плечи!

Я сижу на плечах другого человека! Этот человек... это... отец. Это мой отец!" Новая эмоция охватила "Я", радость наполнила его существо. Перспектива продолжилась, когда он вспомнил, как катался (еще одно новое понятие!) на плечах своего отца.

Произошли различные сцены взаимодействия с отцом. Некоторые из них приносили огромную радость и блаженство, в то время как другие вызвали новые эмоции. В некоторых сценах она чувствовала сожаление и тревогу. "Я бы хотел, чтобы этого никогда не случилось.

Я бы хотел, чтобы я вел себя по-другому". Все больше и больше сцен разыгрывалось для наблюдения "Я", укрепляя его осознание. Сцены с матерью. Сцены с братом. Сцены... его жизни. Все оставалось размытым, словно он смотрел на воспоминания сквозь дымку. Люди были безликими, как манекены. По мере дальнейшего развития "Я" в себя, все больше и больше воспоминаний наводняли его сознание. Но было что-то... не совсем правильное.

Что-то было не так. Был еще один отец. Потом еще один отец. Больше семей. Гораздо больше

людей, которые были более нечеткими, чем его первое воспоминание о семье. "У меня только двое родителей и брат. Почему я помню всех этих других людей и семьи?"

Он был в замешательстве. Он начал оглядываться вокруг себя, и тут его осенило. "Это воспоминания других людей, которые столкнулись со мной и образовали вихрь! Но никто из них не стал осознанным, как я. Я поглотил их". Его не слишком беспокоили воспоминания о других, и усилием воли он отодвинул эти мысли на периферию своего существования.

Он все еще мог видеть их ясно, или настолько ясно, насколько может быть ясно размытое изображение, но они больше не занимали его внимания. Новые воспоминания приходили и уходили. Он обнаружил себя в окружении множества других людей в длинной комнате, все были одеты в зеленое. Четверо других мужчин, одетых в такое же зеленое, но в широкополых шляпах-колпаках, бегали вокруг, кричали и вопили на других мужчин.

Было много сцен с этими мужчинами, одна за другой. Иногда они выполняли физические упражнения, иногда просто стояли, когда на них кричали, иногда они шли вместе в другой форме, маршируя строем. Таких сцен было очень много. Bootcamp оказывает глубокое воздействие на любого человека. Другие сцены, похожие, но с разными мужчинами, одетыми в одно и то же зеленое, проносились мимо его внимания, как в калейдоскопе.

Пока вдруг он не увидел внизу еще одного человека в зеленом, вдали мерцали яркие огни, а над головой с невероятно быстрой скоростью проносились линии света, некоторые из которых пролетали совсем близко. Издалека доносились громкие звуки, а вокруг раздавался треск, словно что-то с большой скоростью пробивало бумагу. На этом человеке был новый цвет. Нового человека держали на руках, и повсюду был красный цвет.

С каждым мгновением появлялось все больше и больше красного, бесконечно. Еще одно новое понятие: Кровь. Смерть. Он был полон печали, когда другой человек перестал двигаться. Еще сцены: Взрывы, стрельба, кровь, разбросанные части тела. Бой. Война.

Он смотрел на свои воспоминания о людях, совершающих подвиги и самопожертвование.

Сложные и парадоксальные эмоции грозили захлестнуть его. Радость от того, что он жив. Чувство вины за то, что остался жив. Горе и ужас. Он был всего лишь одним из многих, и постепенно воспоминания показали, как он переходит от роли последователя к роли лидера.

Еще больше воспоминаний о том, как он выстроился в ряд с другими людьми в зеленом, на которых кричала группа из четырех человек, хотя в этом новом воспоминании на них не было агитационной формы. Когда эти воспоминания наконец закончились, он уже не стоял как один из многих в группе, а стоял перед группой, командуя.

Что-то потревожило его сознание, и снова возник разлад. Он оглядел себя, но не смог определить, что вызвало это ощущение. Он снова обратился к своим воспоминаниям, предвкушение переполняло его. У него было ощущение, что должно произойти что-то очень важное, как будто он уже знал, что это будет, еще до того, как понял, что это такое. И тут появилась она. Молодая женщина, в кристально чистом фокусе. Никаких размытых образов, мешающих обзору.

Никаких пустых лиц, прикрепленных к человеческим фигурам. Милая, невинная улыбка. Искрящиеся, озорные глаза. Ему даже не пришлось переживать воспоминания вместе с ней. Все пришло к нему в одно мгновение. Ухаживание, наполненное романтикой и любовью, свадебная церемония с братьями по оружию и семьей. Он посмотрел вниз и встретился взглядом с двумя своими детьми, мальчиком и девочкой. Взлеты и падения в браке и воспитании семьи. Автомобильная авария... НЕТ! Мы оставим это здесь. Он провел целую вечность, глядя в ее глаза, и семья из четырех человек навсегда осталась в его памяти.

"Подожди... Что-то здесь есть. Я только что испытал это. Что это было?" Он остановил все остальные мысли, пытаясь вспомнить то, что ускользало от него. Ему пришло в голову: "Смерть. Я умер. Я переживаю свою жизнь после смерти". Такое откровение должно было бы опечалить человека, но в нем не было печали. Он с ожиданием смотрел на жену и детей, и на его лице не было ничего, кроме улыбки. Чувство разлада снова пронеслось в его душе. Что-то было ужасно неправильно. Он снова огляделся вокруг. Здесь были и его воспоминания, и воспоминания того, другого "я", но больше ничего. Что могло быть причиной нарушения? Страх охватил его, когда он понял, в чем дело.

Еще один набор воспоминаний. Всего несколько мгновений назад их было более дюжины. Он в

ужасе смотрел, как то, что казалось завесой тумана, надвигается на его центр. Все, чего она касалась, снова таяло в небытии. Хотя огромное пространство, некогда занимаемое остальными, все еще существовало, теперь там был только он и его собственные воспоминания.

Туман продолжал свое неумолимое движение к центру его существа. Предыдущие воспоминания, которые он только что пережил, исчезали и ускользали, чтобы быть забытыми навсегда. Он с паникой и нежеланием посмотрел на жену и детей. Это была его семья! Его память!

Он не собирался потерять их снова! Неведомым усилием воли он вырвал память о своей семье из клубящегося вихря. Это был неровный разрыв, и многие воспоминания о том времени, когда он был Бойцом Войны, остались привязанными и ушли с ним. Он втянул свое существо в себя и заключил воспоминания, которые не хотел терять. Завеса тумана, наконец, достигла центра его сущности, и он почувствовал, как она пытается вырвать последнее убежище его разума, но он отказался сделать хоть один шаг на компромисс, бросив все силы воли на решение этой задачи. Все вокруг снова потемнело, и он почувствовал, что его одновременно засасывает и толкает в торнадо, и почти все его сущность была стерта с лица земли.

<http://tl.rulate.ru/book/74791/2105311>